

Раз в месяц Петр Мамонов приезжает в Москву, чтобы на сцене Театра имени Станиславского ответить на вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?». В остальное время лидер легендарных «Звуков Му» и герой перестроечного кинохита «Такси-блюз» обитает за две сотни верст от столицы в заметенной снегом деревеньке, где под одной крышей с Петром нашли приют его жена, младший сын да еще одиннадцать мамоновских кошек. Если повезет и машина проберется через сугробы, если глава семейства будет в настроении общаться с журналистом, мы узнаем, что за мысли посещали Петра за пять лет жизни по-новому.

- Понять хочу. Жил себе Петр Мамонов, вроде не тужил, играл в культовой группе, в кино снимался, а потом проснулся поутру и сказал жене с детьми: «Собирайтесь, Оля, Ваня, Дания, едем, куда глаза глядят». Разве так бывает?

- Было по-другому. А может, и нет... Такие крупные шаги не делают по договору с головой. Случайно все упало. Желание зрело, пока не поспело.

- Сколько народу говорит: «Плюнуть бы на все и уехать к черту на кулички», - но никто не плюет, а если и уезжает куда-нибудь в глушь, то на время, чтобы его искать начали. К примеру, ваш коллега Юрий Шевчук так делает периодически.

- Во-первых, Шевчук мне не товарищ... Нет, я уважаю и Юру, и других ребят, но это абсолютно не моя история. Что о них говорить? Они герои, с них спроса нет. Мы занимались общим делом, играли в одних концертах, но только и всего. Шевчук, Гребенщиков начинали двадцатилетними в жутких условиях какого-то семейства лохматого, а я пришел в рок в тридцать один год от роду, и меня не ломали, как их. К чему сравнивать? Боря ездит за настроением в Непал, а Юра - в деревню. Я же здесь живу. Если бы остался в Москве, то меня, наверное, уже не было бы. Помер бы. Как все мои друзья по сердцу.

- Все?

- Почти. При нашей жизни, при том, как мы пили и гуля-

* Чистяк - (по Мамонову) целомудренная жизнь вдали от городской суеты.

ли, все, кто к сорока годам не завязал с водкой и наркотиками, преставились. Большинство моей компании давно уже переселилось, а я здесь задержался.

- Это место выбирали по принципу «чтобы никто не нашел»?

- Опять же все и случайно, и нет. Я тут рос, каждое лето лоботрясничал. Мой дядька был директором местного совхоза, а тетя - агрономом. Когда повзрослел, ездить перестал, но вдруг директорский сын, мой двоюродный брат, задумал построить дачный поселок для хороших знакомых. Позвал меня, Эллу Памфилову, Леонида Филатова... Так компания и подобралась. Отстроились люди, приезжают на лето погостить, а мы теперь в Москве гости.

Сначала я к затее брата кисло отнесся, а потом подумал: «Что мне в Чертанове сидеть?». Мегалополисы все похожи - Париж, Нью-Йорк, Москва. А жизнь настоящая здесь. Ее из столицы не понять. Когда там сидишь, все перевернутым кажется. Вы видели, что на Новый год телевидение творило? Это даже не дрянь - гораздо хуже.

- А по-моему, ничего особенного, все, как прежде.

- Значит, вы «ящик» не смотрели. По всем каналам перла пошлятина. Матвеев надумал на старости лет учить нас любить по-русски. Потом пошли все эти национальные особенности охоты и рыбалки... Полная черня! Никита Михалков совсем сбрендил, решил установить не то русский порядок, не то русский стандарт, созвал

какое-то фашистское сборище с присяжками...

Я не злопыхатель, забравшийся в глубинку и рычащий из берлоги, я очень люблю эту страну и ее народ, иначе давно отвалил бы на Брайтон-бич. Но не пойму, почему вокруг одни рыла и сплошное обжорство? Что случилось? Нет, ясно: революция, хаос, вся пена наверх... Еще Бунин в «Окаянных днях» писал, что на одесских улицах за три дня изменилась толпа. Вместо шикарной публики повывезли хамы. Откуда? Да ниоткуда! Они сидели, ждали своего часа. Так было и так есть. Но ведь и приличные люди не пропали. Надо их видеть, давать им слово. А у нас сплошная однобокость. Дышать нечем! Посмотрите: бабы за десять рублей целый день на ферме горбатятся. Сымите шелковый галстук и им отдайте!

- На кой им галстук?

- Продадут и хлеба купят!

Как же можно жить, не чуя страны? Мол, меня беда не коснулась, и идите все на хрен! Так, да? Но ведь при этом не забывают красивые слова о судьбе России произносить! Посмотрите хотя бы на нашего старца великого.

- Которого?

Я все в своей жизни прошел - и морфий пробовал, и многое другое, но такого кайфа никогда не ловил.

- Александра Исаевича. Он уже не говорит, а изрекает. Что случилось с человеком? Ведь и писатель хороший, и мыслитель, и мудрец, и подвиг в свое время действительно совершил. А сейчас крыша едет.

Не хочется осуждать людей. Я же специально о лучших говорю, говна не касаюсь. Ведь и Никита отличный парень. Там, где он живет, я в молодости часто в футбол играл. Мы с Михалковым подолгу разговаривали, я помню; это был честный, искренний человек. Но ему трудно остаться живым в клановом болоте. Что за бредовые идеи избранности, исключительности? В каждом из нас столько намешано, что... Давай разберем, какой ты дворянин. Высоцкий пел: «Если кто ко мне и влез, так и тот таин...». Нам ли считать? Говорим о духовности, а полу-

кадыки черная полоса пошла... Кого-то я успел пригреть, и тут - на тебе! После августа все посыпалось. Вася приходит, а я карманы выворачиваю: старик, ничего нету. Голяк!

Удивляюсь: как мог купиться на мишуру? Вожди слова красивые говорить научились, а нутро-то прежнее осталось. Не скажу о Чернобырине или Ельцине, лично не знаком, но кое с кем сталкиваться приходилось, цену этим людям знаю.

- Например?

- Борис Пастухов. Он сейчас какой-то там министр. А я помню его первым секретарем ЦК комсомола. Я тогда работал в журнале «Пионер», и иногда мне доверяли отнести папки с бумагами на Новую площадь.

- Большая честь!

- А то! Заслужил, целым отделом заведовал. Перед каждым походом меня инструктировали, как руку пожимать, как кого приветствовать... И вот тогда я наблюдал за Пастуховым и его окружением. При первом секретаре были два специальных человека, один из которых отвечал за очки, а второй - за письменные принадлежности.

- То есть как?

- Вот так! Два здоровых мужика только то и делали, что протирали стекла очков да заставляли первого секретаря карандаши. Пастухов воспринимал все как должное. Я не говорю, что он плохой человек, но такое прошлое замутняет, его нельзя забыть.

Блинчиком буду! Не козлы же мы, видим, что происходит, кто чего стоит. Настоящий крутяк не в словах, а в делах. В Москве уже не понять, где право, где лево. А тут, в провинции, все настоящее: стул, на котором сижу, Дания, старший сын, сам смастерил - натуральное дерево, а не какая-нибудь прессованная стружка. И шкафы нам мужики такие сделали, что внуков моих переживут. Здесь все другое - и люди, и отношения. Вроде нищие, денег ни у кого нет, а едут в автобусе и друг другу

улыбаются. «Катюша, я завтра приду к тебе огород копать». - «Не надо, Зин». - «Нет, приду, приду»...

- Что другое - это правда. По дороге к вам в одной из деревень наткнулся на объявление «Пункт обмена». Неужели, думаю, и сюда доллар добрался? Оказалось, о газовых баллонах речь. Вот главная валюта!

- Это Москва живет разговорами о баксах и банковских кризисах, а тут все вязнет. Нет, я не злюсь на город - печалуюсь. Изобретать ничего не требуется, все придумано до нас. Остается решить, по какой из дорог идти. Надо понять, что невыгодно подличать, совершать дурные поступки. Все увидят и за все спросят. Кто-то сразу расплачивается, другому отсрочку дают, но счет выставят. И тогда - бац!

- По темечку?

- По теме! За дело...

Семьдесят лет, на Земле отпущенные, - это мгновение, стоит ли суетиться в преддверии того, что впереди? Обычные вещи говорю, банальнейшие, нам их с детства наужажали, но пока через себя не пропустишь, ничего не поймешь. Духовная жизнь - это и есть самая что ни есть материалька. Смерть - единственное, что будет точно, от всего можно открыться, от нее - нет. Но смерть не конец, а начало.

- Словом, вы сбежали в деревню, чтобы уцелеть?

- Сейчас хочется так думать, умным в собственных глазах казаться. Поначалу мы больших планов не строили, потом дошло: опереться можно только на себя, на семью, на соседей. На земле выжить легче. Знаю: если весной прижечь, в городе нечего станет жрать (а я чувствую, все так и случится), то здесь, в деревне, мы прорвемся, прокормимся. А в Москве что? Завтра ногу сломаю, не смогу сыграть спектакль, и все - труба. Я же небогатый человек. У меня ни рубля не отложено - низко сел по деньгам, дальше некуда. Пару месяцев назад не имел копейки, чтобы соли купить. Если бы это в Москве случилось, побежал одалживать, на паперть пошел, в подземный переход с гитарой. А здесь сын поймал две шуки, мы продали их в Верее на рынке и купили соль да хлеб. Так и выжили.

Вот вы журналист. Если завтра газеты закроют, куда подадитесь? Не знаете... Между тем думать надо.

- У вас свободный участок часом не завалился?

- Для дела земля есть, но вы же из праздного интереса спрашиваете. А тема серьезная. Конечно, я и сегодня мог бы лабать на стадионах старые песни или, как Гарик Сукачев, скакать вокруг какой-нибудь Пугачевой. Бабки потекли бы, но, во-первых, мне скоро полтинник стукнет, стыдно суетиться, во-вторых... Я иначе стал смотреть на многое. Живем не только ради жратвы и покупок новых иномарок. В конце концов мне и старой хватает. Зато теперь я ловлю кайф от со-

66-10-99

Мамонов Петр

112

В ПОИСКАХ ЧИСТЯКА*

шенно неожиданных вещей. Как-то проснулся, а вставать лень, печку топить неохота. До трех часов повалялся, пока холод до костей не пробрал. Мигом вскочил и побежал рубить дрова. Вот дилемма: в тепле быть или мерзнуть. Это не выбор между балыком и икрой...

Как объяснить? Я не к примитивизму, не к первобытному строю призываю - нет. Вся жизнь человек идет к себе, ищет духовность, смысл жизни. Я дрова рублю, руки работают, а голова чиста, свободна. Помните, что ответил Сократ (кажется, это был он) депутации из Афин, просившей философа вернуться в город и взять управление в свои руки? «Если бы афиняне знали, какую я вырастил капусту, они не стали бы подходить ко мне с такой ерундой».

Я тут с сельским батюшкой разговаривал, дурацкий вопрос задал: «В чем смысл жизни?». А он возьми и ответь сразу: «В спасении души». По сути, все сводится к пониманию того, кто мы, откуда и куда идем.

Разобрались?

Ищу. У меня даже ритм жизни стал иным. Проснулся, позавтракал, во дворе убрал, неотложными делами по хозяйству занялся, глядь - уже два часа. Сын из школы пришел. С ним поговорил - уже пять. А там и вечер. День прошел. Отлично! Вот он, настоящий чистяк! Сяду на этот диван и спокойно подумаю. О том, каков я был вчера и каким стал сегодня. Час сижу, два. Никто не отвлечет телефонным звонком, не потащит музон новый слушать или водку пить. Я сам перед собой. Медитация в чистом виде! Могу на сутки заторчать без всякой наркоты. За те пять лет, что мы здесь, было дней десять, когда я перся наглухо. Такое счастье испытывал, что аж трясся. Господь делал подарки, показывал мне, как может быть. Я все в своей жизни прошел - и морфий пробовал, и многое другое, но такого кайфа никогда не ловил. Без анаши, без всякого дерьма. Чистяк! Выше нет!

Вы спрашиваете, почему мы здесь. Это я должен поинтересоваться: почему вы в го-

роде? Или медом намазано? Там же все пешки - в руках чужих, в руках друг друга... А я к соседу иду и знаю, что буду говорить с ним о настоящем. Мы расстанемся людьми, и нам будет хорошо! Но такое состояние ниоткуда не сваливается, его надо заслужить. Зато потом - летаешь. Впрочем, при этом не возбраняется и стаканчик хлопнуть. Что плохого? Нормально.

Вы ведь вроде бы завязали?

Я преодолел себя. Лет тринадцать боролся, и вшивки, и кодирование - все было. А потом понял: избавление не в отказе, а в стремлении. В стремлении стать другим. Если зажаться и, ничего в себе не меняя, тупо твердить, мол, я не пью, - бесполезняк, все равно сорвешься, через год или через пять. Завязать можно, если радость от пьянства уйдет. Бросаю пить, чтобы от другого кайфа ловить. Скажем, я, городской житель, вдруг понял, каково жить на земле. Именно так, с маленькой буквы. Яблони посадил, скоро урожай пойдет. Зеленая своя в огороде, огурчики... Двадцать пять банок закрыли в прошлом году. Сказка! Я здесь хозяин. Вон у меня баня. Дал мужику двести долларов, выкопали бассейн, плиткой обложили. Вылетаешь из парной и с головой в ледяную воду. А наверху сосны качаются... Песня!

Фундамент нового дома заложил. Деньги будут, подниму. А нет, ну и ладно. Никто мне не указ.

Земли-то у вас много?

Официально - двенадцать соток, а так - около гектара. Надо оформить аренду. Я бы купил, но не дают, сволочи! Впрочем, мне пока хватает...

Стоит подышать здесь воздухом, и тогда в Москве совсем труба. Да, у меня мама живет на Большом Каретном, я там родился и после спектаклей всегда ночую, но утром сбегать. Не могу, скучно. А тут у меня масса занятий. В конце концов в лес пойду. В городе все дни похожи, неделя за неделей шелкают. Здесь же каждый день разный.

Эмоционально так заряжаешься, что не в силах выразить чувства словами, только междометия и вырываются: э, у, мы, пы... Погуляешь, а потом - к письменному столу. Уже с месяца, как пишу книгу.

Название у нее есть?

«Птица Зу».

Это где ж такая водится?

Я давно вел дневники, делал записи, все это копилось, лежало, пока не понял: разрозненные кубики можно собрать в мозаику, объединенную эмоциональным сюжетом. Людей я знаю, слушать их умею да и сам кое-что повидал - и в бане работал, и грузчиком, и мясником. Может, кому-то пока-

жутся интересными мои мысли? Хочу сделать книжку о жизни, как ее понимаю. Я словно на пороге нового открытия.

Любопытно у вас получается: все я да я. Слово живете один, будто нет рядом жены, сыновей.

Я - опять я! - как-то уже говорил: не верю в рассуждения, будто можно жить ради детей. Они - это я. Забота о себе, забочусь и о них. По большому счету домашние - враги мужчины. Конечно, есть долг, забота. И жену надо любить, но не как свою игрушку, а как человека. Это приходит с годами - понять нужно. До меня уже дошло. И не потому, что между ног не стоит - стоит, с этим все в порядке, но одного секса уже мало. Хочется любить не только тело, но и душу. Каждый ведь из нас бесконечность.

Да, бывает, ссоримся с Олей. Ухожу на свою половину, думаю: ах ты!.. А потом успокаиваюсь, по-

нимаю, не в жене дело. Иногда три дня нужно, чтобы остыть. После ругаю себя: какой же ты козел, сколько времени на злобу убил!

Так и с сыновьями. Старуюсь дарить любовь. Теперь у меня для этого гораздо больше времени.

Но ведь старший сын уехал в Москву.

За образованием. Учиться-то надо. Но Дана вернется, я знаю. Он же сможет сравнить и поймет, что вонючий город ему ни к чему. Так во всем мире. Вы, к примеру, знаете, что в Англии самая популярная профессия ботаник?

На природе очищаешься от суеты. Все эти технические новаторы - телефоны, факсы, интернет - сплошная путанка. Зачем это? У меня в бане висит зеркало. Иногда гляну на себя голого и подумаю: вот все, что у меня есть, - ни домов, ни квартир, ни «Мерседесов». Только эта шкура, на костях висящая. А внутри душа мерцает.

Однако по полкам у вас компактеты стоят, кассеты. Значит, совсем с цивилизацией не порываете?

Я же продолжаю работать, поэтому слежу, кто что написал, где какой диск вышел. Не хочу делать вид, что забился в нору, и мне ничего не надо. Когда закончу выступать, наверное, смогу все это выбросить. Хотелось бы так жить, чтобы ничего не было нужно. Это мечта!

Иногда думаю: а если завтра пожар, и дом сгорит дотла? Представляю, как очутюсь... очутюсь (как там правильно?) на пепелище с семьей и кошками. Что делать? Я уже знаю. Мною целая система мер на крайний случай предусмотрена. Меня врасплох не застает - ни пожаром, ни голодом, ни наводнением.

Вот и мечтаю: хорошо бы всегда так жить, ко всему готовым. Тревоги уйдут, суета исчезнет. «Ой, блин, я же не позвонил! Ах, черт, я не сходил!» - этого не будет. К Богу не опоздаешь, поэтому дергаться нечего. Финик съел и сиди, балдей, как йог. Финика нет, сухарь грызи. Вот когда полный чистяк начнется, вот когда заживу!

Фото Виктора СЕНЦОВА.

Другие пять кошек Мамонова сниматься не пожелали...

П Е Л И К А Н

Цыплята до 1,8 кг.

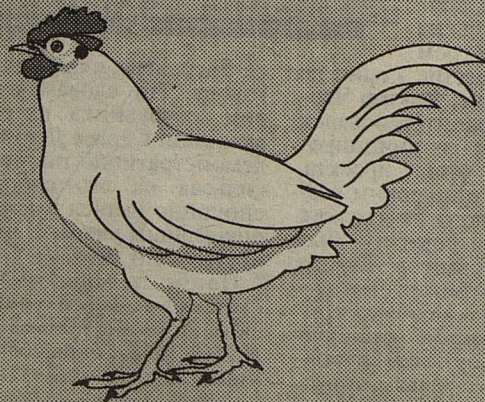
Куриные крылья

Утка

Фарш куриный

На складе в Москве

Тел.: (095) 188-31-47, 769-20-63.

Pelican

В
Е
Н
Г
Р
И
Я